

СЛОВО И ОБРАЗ В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

Ю.Н. Драчева

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ КОНЦЕПТА <ИГРА> В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ (на материале вологодских текстов о детстве)^{*}

В последнее время диалектологи все чаще обращаются к исследованию диалектной коммуникации, оперируют такими понятиями, как *диалектный текст* и *диалектный дискурс*, занимаются изучением концептов на материале говоров (см., например: Грицкевич, Новиков 2011 и др.).

При изучении диалектных текстов исследователями выделяются такие черты диалектного повествования, как событийность, образность, антропоцентричность, эгоцентричность, речевая типологизация, совмещение ситуации-темы и ситуации текущего общения, одновременное использование основных регистров повествования (информационного, репродуктивного и генеративного) (Гольдин 2009), подчеркивается рефлексивность текстов диалектного дискурса (Грицкевич 2009), предлагаются классификации типов речи диалектной личности в зависимости от характера коммуникации (Демидова 2014), типов моделей тематической организации диалектного монологического текста (Косицина, Петрунина 2013).

Для проведения подобных исследований необходимо обладать доступом к корпусу диалектных текстов. Разумеется, в настоящее время все центры изучения русских народных говоров собрали обширные архивы диалектных текстов (зарегистрированных как в фонетической записи, так и с помощью различной записывающей аудио- и видеотехники), каждый диалектолог имеет личный архив записей бесед с информантами.

Таким образом, возникает проблема систематизации, каталогизации и хранения диалектных текстов, одним из решений которой является использование различных электронных корпусов. Самый разработанный региональный электронный проект в этой области – это Мультимедийный Саратовский диалектологический текстовый корпус при Центре изучения народно-речевой культуры имени профессора Л.И. Баранниковой, целью которого является построение модели традиционного сельского общения на диалекте (наполнение каждого подкорпуса (но отдельным говором) текстовым материалом, отражающим типы диалектной речи (речь бытовую, фольклорную, обрядовую); различные формы речи (диалог, полилог, монолог); разнообразную тематику

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (конкурс поддержки молодых ученых 2014 г., проект № 14-34-01263 «Мультимедийный корпус вологодских текстов “Жизненный круг”»)

сельского общения; социальную дифференциацию носителей говора (пол, возраст, профессия, уровень образования) (Крючкова, Гольдин 2011). На федеральном же уровне разрабатывается проект диалектного подкорпуса Национального корпуса русского языка (Качинская 2009).

Одними из ключевых понятий, необходимых для характеристики деятельности составляющей диалектной (шире – региональной) языковой картины мира, являются концепты *«труд»* и *«игра»*. Для выявления динамики этих концептов в языковом сознании диалектносителей может быть использован подкорпус устной диалектной речи электронного ресурса «Мультимедийный корпус вологодских текстов «Жизненный круг»».

Данная статья посвящена исследованию вербализации концепта *«игра»* в рассказах-воспоминаниях информантов (с элементами сопоставления с современные представлениями). Концепт рассматривается как лингвокультурологическая категория, «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» (Карасик 2002: 132).

Исследование строится на материале текстов таких тематических групп, как «Детство», «Отношения в семье», «Детские игры», «Детские трудовые поручения» и др. Типы исследуемых текстов определяются как воспоминание и автобиографический рассказ, которые являются ядерными речевыми жанрами диалектной коммуникации (Волошина, Демешкина 2012). Для анализа используется выборка устных рассказов, записанных в ходе диалектологических экспедиций в различные районы Вологодской области в 2012–2014 гг. Временные рамки описываемых событий охватывают предвоенное время, период Великой отечественной войны и послевоенные годы (то есть используются рассказы информантов 1928–1944 года рождения).

Жизнь крестьянина, колхозника в то сложное время подчиняется кругу деревенских забот и трудов. *Труд* во всех его формах отражается в рассказах диалектносителей, труд определяет ритм жизни человека, его ценности и отношение к окружающей действительности, труд «становится образом жизни» (Волошина, Демешкина 2012: 19), ср.: *Мы в деревне выросли / так к труду-то привыкли* (Быстрова А.К., 1935 г. р., Бабушкинский район). Видимо, это решающий фактор того, что одной из самых ярких особенностей восприятия сельскими жителями старшего поколения концепта *«игра»*, в обыденном сознании неразрывно связанном с детством, является вытеснение этого концепта на периферию в сознании диалектносителей, когда речь заходит об их детских воспоминаниях. Ср., например: *О-о-ой, нам мать надаёт работы всякой // дак не до игры / не до чево // Дак мать уйдёт в леспромхоз на работу / и нам накажет / и вёников напомать / и травы накосить / наносить корове / и корьё драть заставляя// Ишь это как зароботок / корьё-то // Ну и по хозяйству там / то половики постирать / то пол помыть // То вёники вязать накажет / шёбы вёников навязали// Дак так в общем / у нас для игры-то дак и время-то не было //* (Иванова А.А., 1943 г. р., Кирилловский район).

Рефреном почти во всех рассказах проходит отрицание игры и детства: *игр не было, детства не было*, что косвенно все же подтверждает ценность категорий детства и игры в диалектной картине мира. Таким образом, в диалектном дискурсе создается оппозиция *игра сейчас / игра раньше*: современное беззаботное детство противопоставляется бедному, голодному детству людей старшего поколения. Обращаясь к современности, диалектоносители противопоставляют прежнее и новое восприятие детства и игр; часто сравниваются новый городской образ жизни и старый, деревенский, ср.: *В деревне не очень-то / знаешь / и помрёт / вот и слава Богу // Семьи всегда большие // Вот и нас фактически восьмеро <...> А ещё бы отец не помер / она бы ещё нарожала // Вот так раньше было // Дак они рады были / который и помрёт / дак и слава Богу // Так что / так что не беспокоили раньше / и дети были крепче // Видишь / опять же теперь все считают / раньше всё равно деревенский человек / он же более крепче / потому что ничего такого // теперь этой химии-то не едят / а мы-то / дак там какое там //*

В бани намоют / напарят и ходили / как говорится / и босые и все / и не тетюнькались (слово *тетюнькаться* используется в значении ‘возиться, заниматься’, ср.: *тетенькаться* ‘ухаживать, присматривать за детьми, нянчиться’ (СВГ, 11: 21); *тетенькаться* ‘забавляться игрушками, пустячками’, ‘баловать ребенка; ласкать, качать, тешить его’, *тетенькаться* ‘нянчиться, пестоваться с кем, возиться’ (Д)) *Я в жизни не забуду // Как-то мама // Был двоюродный брат отца / а он и говорит // Посади ребёнка на пёчку // А тот подтолкнул что-то // Ну вот дак он подошёл да маме / ударил / что она попросила // Вот так раньше было // Раньше не тетюнькались / это теперь уже стали / что //*

А теперь / видишь / не знаю / как у вас / а у нас / у нас сосед / в соседнем доме / женился / двое детей // родила одного / потом второго // И он купил машину и квартиру на эти деньги // Вот такие деньги теперь // Теперь можно выходить замуж и рожать // Теперь деньги плотят / дай боже (Исакова Н.А., 1928 г. р., Кирилловский район)

Таким образом, вербализация концепта *игра* варьируется при переходе к обсуждению современных реалий, что получает отражение в метатекстах (см. анализ метатекстов в диалектном дискурсе (Крючкова 2002)), ср.: *А раньше / а раньше маленькому ещё / господи / нажают вон хлеба / дадут в рот / и жуй // Матка где-то на работе дак // Раньше-то дети жили / а игрушек не было // Отец работал там / вот дак вот какие-то щенки / да игрушки // А что это ничего не было / А теперь вон всяких игрушек / всего//* (Исакова Н.А., 1928 г. р., Кирилловский район).

Функционирование в диалектном дискурсе воспоминаний, рассказов о военном времени, тяжелой жизни в тылу характерно для всех русских говоров (Галимова 2011), ср.:

— Так получается, что детство было военное. А что запомнилось?

-- Запомнилось / сидели без света / соли не было / спичек не было / чтобы разжечь этот вот // Печку штоб затопить утром / бабушка угли вот так сгребала / там несколько уголёк шаяло (слово шаять используется в значении 'слабо гореть без пламени, тлеть' (СВГ, 12:78)) / и вот мы лучинку подставим от берёзы / дуем / до головной боли / пока у нас огонь разгорится / потом ещё камни были / и вот такие они металлические делали / кремень назывался / вот он надевался на руку и острый / ну как тяпка почти што // вот этим кремнем по камню ударяли и получались искры / и туда подставляли вот такую ужё гнилую-гнилую какую-нибудь палочку / вот были гнилые-то // а ещё подставляли / вот на деревьях растут эти грибы-то / трутовики / трутовик и вот он от этих искр начинал шаять / тлеть ужё // смотрим / как огонёк / тогда тоже опять дуем / и так огонь получали / в войну //

В войну у нас и чесотка была // вот между пальцами какие-то волдыри водянистые / потом болячки так чешутся / ну ничего не было / не знали чем лечили // потом где-то бабушка скрипидар нашла / и по тёплу чесотка шла / такие красные / ну чешется очень // и бабушка скрипидар нашла и нас в баню отвела / после бани-то этим скрипидаром нас как нат... / мы аж до потолка прыгали / так больно // да зато чесотка проходила <...> Ну нет / это детство было противное (Быстрова А. К., 1935 г. р., Бабушкинский район).

Тем не менее описания собственно детских игр составляют значительную часть корпуса диалектных текстов, ср.: *Становились в круг // один водящий был // Мы руки вниз / чтобы он не прошёл // поднимаем / чтобы он пробежал // Он хочет пробежать / мы отпускаем // Ещё и пёти ходили хором // Ах как мыши надоели / Развелось их просто страсть / Всё погрызли / всё поёли // прямо горе / ах напасть // Подождите же / плутовки / вот поставим мышеловку / переловим всех мы вас!* (Быстрова А. К., 1935 г. р., Бабушкинский район).

Таким образом, в региональной концептосфере концепт <игра> может быть охарактеризован как динамический, что обусловлено и историческим развитием государства, и социальными изменениями в русской деревне во второй половине XX в. Динамика изучаемого концепта обнаруживается в диалектных метатекстах, составляющих электронную базу данных, которая в перспективе представляет собой корпус тематически распределенных устных рассказов представителей разных поколений.

Литература

Волошина С.В., Демешкина Т.А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) / С.В. Волошина, Т.А. Демешкина // Вестник Томского государственного университета. – Филология. – 2012. – № 3. – С. 14–20.

Галимова Д.Н. Неконтролируемость жизни как одна из ключевых характеристик диалектной картины мира / Д.Н. Галимова // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2011. – № 9. – С. 124–133.

Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе / В.Е. Гольдин // Известия Саратовского университета. – Новая серия. – Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – № 9. – С. 3–7.

Грицкевич Ю.Н. Особенности проявления категорий коммуникации в диалектном дискурсе / Ю.Н. Грицкевич // Вестник Псковского государственного университета. – Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2009. – № 9. – С. 87–91.

Грицкевич Ю.Н., Новиков В.Г. Концепт «мода» в диалектном дискурсе / Ю.Н. Грицкевич // Вестник Псковского государственного университета. – Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2011. – № 15. – С. 77–80.

Демидова К.И. Модусы и типы речи диалектной личности в современных условиях / К.И. Демидова // Уральский филологический вестник. – Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2014. – № 1. – С. 135–140.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград, 2002.

Качинская И.Б. Корпус диалектных текстов в Национальном корпусе русского языка: состояние и перспективы / В.И. Качинская // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). – Санкт-Петербург, 2009. – С. 57–68.

Косицина Ю.В., Петрунина С.П. Статико-динамическая модель тематической организации диалектного монологического текста / Ю.В. Косицина, С.П. Косицина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 4 (295). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 75. – С. 52–54.

Крючкова О.Ю. Метаязыковая функция в диалектной речи / О.Ю. Крючкова // Языковые средства в системе, тексте и дискурсе: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Александра Николаевича Гвоздева. – Самара, 2002. – С. 186–191.

Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки / О.Ю. Крючкова, В.Е. Гольдин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – Вып. 10 (17). – Москва, 2011. – С. 359–367.

Сокращения

Д – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Москва, 1998.

СВГ – Словарь вологодских говоров. – Вып. 1–12. – Вологда, 1983–2007.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–44. – Ленинград; Санкт-Петербург, 1965–2011.

Л.Ю. Зорина

НА ХОМОСЬКЁЙ СТОРОНЕ,

или

О ТОМ, КАК ГОВОРЯТ ЖИТЕЛИ БАБУШКИНСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

(по материалам диалектологической экспедиции 2014 года)

Особенности мироустройства и речи жителей Бабушкинского района Вологодской области с давних пор привлекают внимание историков, этнографов, лингвистов, поскольку эта территория есть не что иное, как самый центр территории распространения Вологодской группы говоров севернорусского наречия. И хотя список населённых пунктов, обследованных при составлении